СОЮЗНИКИ
У
СЕВАСТОПОЛЯ.

ПИСЬМО ФРАНЦУЗА КЪ ПРІЯТЕЛЮ НА РОДИНУ.

СОЧИНЕНІЕ

Ивана Семерихина.

(съ 5-ю политипажами.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1854.

СОЮЗНИКИ

У

СЕВАСТОПОЛЯ.

ПИСЬМО ФРАНЦУЗА КЪ ПРІЯТЕЛЮ НА РОДИНУ.

СОЧИНЕНІЕ

Ивана Семерихина.

(съ 5-ю политипажами.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

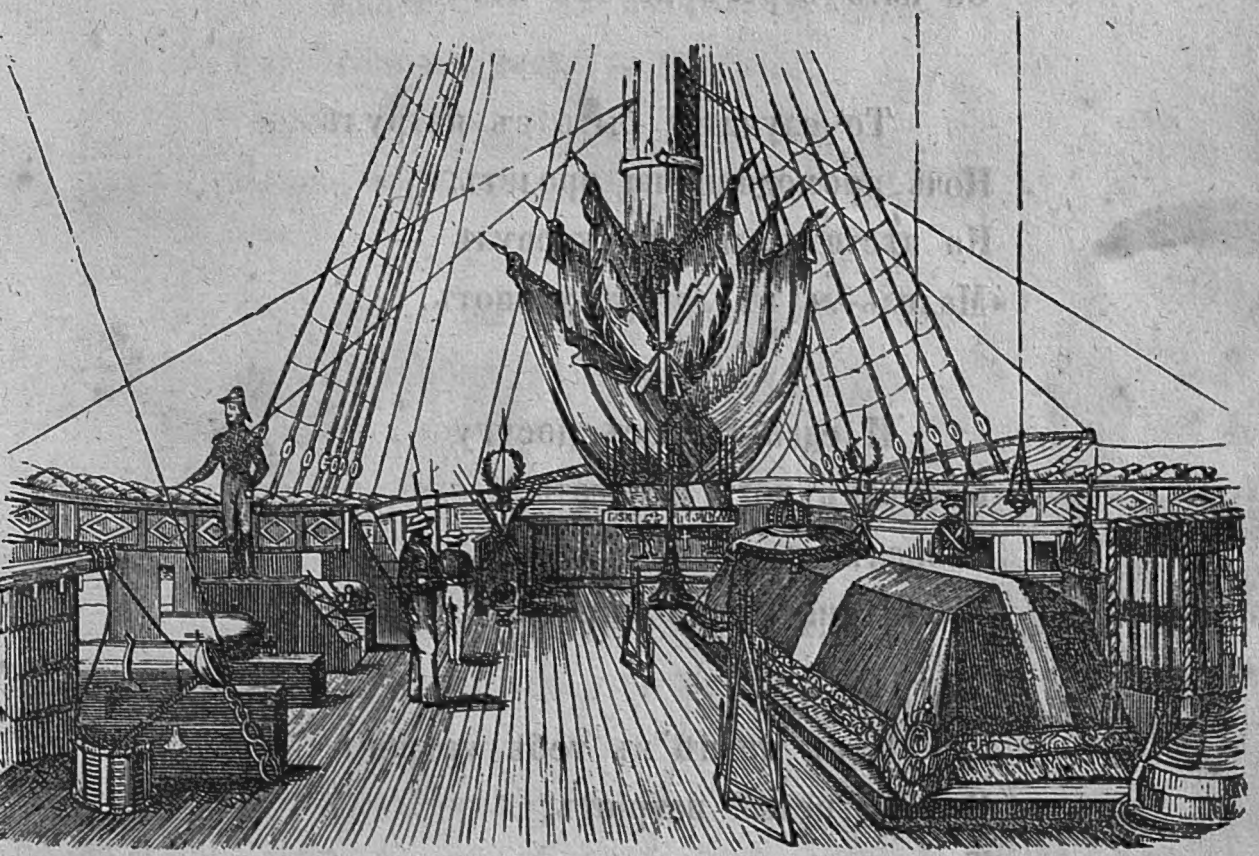
Печатано въ Типографіи Карла Крайя.

1854.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 15 декабря, 1854 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*



Вотъ два мѣсяца ужъ слишкомъ,
Собираюсь каждый день,
Написать тебѣ письмишко,
Сосѣдъ добрый мой Ежень.

Но до писемъ-ли на стужѣ,
Когда пальцевъ не согнуть;
Холодъ страшный—а ктому-жѳ
Время нѣтъ и отдохнуть.

То, глядишь, пошлютъ въ траншею
Камень молотомъ долбить,
Иль турнутъ на батарею
За пять верстъ песокъ носить;

То случится быть въ патрулѣ —
Ночь проходишь на пролётъ;
На вѣстяхъ, иль въ караулѣ —
Маломъ-ль въ лагерѣ хлопотъ.

И едва-то часъ досугу
Кое-какъ могъ оторвать,
Забрелъ въ вѣтхую лачугу,
Чтобъ письмишко написать...

Я въ полнѣ въ тебѣ увѣренъ
Что ты истый патріотъ,
Такъ по этому намѣренъ
Молвить кое-что впередъ.

Не вѣрь сплетникамъ газетнымъ,
Журналистамъ подкупнымъ,

Этимъ знахарямъ всесвѣтнымъ,
Краснобаямъ записнымъ.

Ну, искусно пыль пускаютъ
Наши храбрые враги;
Васъ съ побѣдой поздравляютъ,
А у насъ рыло въ крови.

Какову — жъ пустили *утку!*
Севастополь, дескать, взятъ.
Чёртъ возьми, насъ не нашутку
Здѣсь взбѣсило всѣхъ солдатъ.

Пусть бы наши пустомѣли,
Заводить чѣмъ кутерьму,
Издали хоть поглядѣли,
Что мы дѣлаемъ въ Крыму.

Здѣсь разыгрываемъ мы драму —
Роли всѣ пришлись по насъ;
Мы попали въ волчью яму,
И сидимъ покуда тамъ.

Безъ труда ты отгадаешь
Кто спроворилъ въ Крымъ походъ,
А солдату, понимаешь,
Смолчать лучше безъ хлопотъ.

Но чтобъ знаешъ концы въ воду,
Въ войскахъ ропотъ заглушить —
На Сентъ-Арно воеводу
Рѣшено вину свалить...

Проштыкнулся же жестоко
Нашъ покойный Сентъ-Арно!
Поминутно какъ сорока,
Тарантилъ всегда одно:

«Къ Севастополю скорѣе!
«Мы возьмемъ его въ три дня.
«Что робѣть! За мной смѣлѣе! —
«Планъ чудесный у меня!„

Мрачной тучею сѣдою
Солнце красное дымъ скрылъ —
Все покрылось темнотою,
Будто сумракъ наступилъ.

Тамъ двѣнадцать часовъ сряду
Бой кипѣлъ и бушевалъ,
И подобной кононады
Ни кто въ жизни не слыхалъ.

Мы отвагу показали
Англичанамъ хвастунамъ,
Они намъ соревновали,
Какъ примѣрнымъ храбрецамъ.

Между тѣмъ на помощь вскорѣ
Флотъ къ намъ началъ подходить,
И пальбу открыли съ моря
Батареи сталъ громить.

Съ суши войскомъ, съ моря флотомъ
Гдѣжъ тутъ Русскимъ устоять!
По такимъ вѣрнымъ расчетамъ
Какъ же города не взять!

Но на наше горе злое
Вышло все на оборотъ
И съ потерею большою
Отступилъ союзный флотъ.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 464848
193 г.

И у насъ на батареяхъ
Оказался недочетъ,
Сосчитали какъ вѣрнѣе —
Въ строю нѣтъ ужъ пяти сотъ.

А что жъ городъ, бастіоны? —
Все по прежнему стоятъ;
Имъ бомбъ, ядеръ милліоны
Будто во-все не вредятъ.

На утро возобновили
Ту же музыку опять,
И опять пальбу открыли;—
Да пожалуй порохъ трать.

Хваты Русскіе безспорно,
Съ чёртомъ справятся самимъ,
Отвѣчаютъ такъ упорно,
Что мы къ вечеру́ молчимъ.

Мудрено-ль, — и въ чистомъ полѣ
Они драться молодцы,
А теперь въ Севастополѣ
Просто, значитъ, храбрецы.

Бьемся мы на-пропалую
Только толку нѣтъ у насъ,
Глядимъ, Русскіе въ-ночную
Тьму надѣлаютъ проказъ:

Этакъ въ наше укрѣпленье
Подползетъ отрядъ тайкомъ,
И въ одно почти мгновенье
Перевернетъ все верхъ дномъ.

Имъ опасности игрушки,
Невозможностей же нѣтъ;—
Заколотятъ наши пушки
Чертъ возьми! — простылъ и слѣдъ.

Вотъ напали на народецъ,
Для него все трынъ-трава ....
Да у нихъ и Полководецъ
Изъ умнѣйшихъ голова;

Знаешь, всей Россіей чтимый
(Онъ въ Стамбулѣ былъ посломъ)
Опытный, не утомимый,
Да и мужествомъ притомъ.

Плохо у Севастополя —
Охти, плохо, худо намъ
Должны волей иль не волей
Биться съ горемъ по поламъ...

Житье словно на галерахъ
День и ночь въ тяжкихъ трудахъ,
Лишь мечтаемъ о квартерахъ.
А живемъ всѣ въ конурахъ;

HOLBEIN'S TODTEN-TANZ

Отдыхаемъ какъ собаки
На землѣ голой сырой
Нужды нѣтъ что въ буеракѣ
Лишь бы только за горой.

Къ черту въ омутъ радъ забиться
Нашъ братъ труженикъ—солдатъ
Хоть на время-бы укрыться
Отъ бомбъ Русскихъ и гранатъ.

Просто сущее мученье—
Лягъ и въ три дуги согнись
Нѣтъ отъ холода спасенья
Хоть вертись хоть не вертись.

Обогрѣться и не думай;
Огонь роскошь здѣсь для всѣхъ,
Тутъ въ окрѣстности угрюмой
Хоть бы кустъ былъ гдѣ на-смѣхъ.

А климатъ какой прегадкій
Въ этомъ омутѣ Крыму
Отъ проклятой лихорадки
Нѣтъ пощады ни кому;

То есть, всякій подъ обухомъ,
Только чуть лишь прозѣвай
Скрутитъ, скрючитъ словно муху
И какъ звали поминай...

Жалко нашихъ командировъ
День деньской все на ногахъ,
Всѣ въ оборванныхъ мундирахъ
И дырявыхъ сапогахъ.

Канроберъ самъ то и дѣло
Поднимаетъ всѣхъ чѣмъ свѣтъ
Мечется какъ угорѣлый,
А все толку нѣтъ, какъ нѣтъ.

Почти тоже происходитъ
У сосѣдей Англичанъ,
Унихъ также калобродитъ
Лордъ почтеннѣйшій Рогланъ.

Турки-жъ ужасъ какъ боятся
Русскимъ носу показать,
Да куда имъ тутъ соваться
Когда намъ нечего взять.

Этотъ Крымъ намъ задалъ ходу,
Что то будетъ впереди,
А къ Двѣнадцатому Году
Прибавленія, братъ, жди.

Ив. Семерихинъ.

№ 20

ЦѢНА 25 КОП. СЕР.